

**ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА**

ВЕСТНИК
Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук
им. Ч.Э. Ахриева

№ 2 – 2015

Научный журнал
Выходит два раза в год

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Барахоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна, доктор исторических наук, заместитель директора Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Жеребило Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Матиев Магометбашир Адамович – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского фольклора Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Члены редакционного совета:

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук, Ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Киева Зуфира Хаджибикаровна – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий отделом истории Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Накостоев Хаваш Алиевич – редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Харсиев Борис Магомед-Гиреевич – кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Ялхорова Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушской литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акиева Светлана Исмаиловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Кабардино-Балкарская Республика);

Албакова Фатима Юсуповна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера);

Али Аскер, доктор юридических наук, доцент Карабюкского университета (Турция);

Алиева Севиндж Исравил-газы, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «История Кавказа», Институт Истории Национальной Академии наук Азербайджана (Азербайджан);

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований;

Габунна Зинаида Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета;

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, заведующий сектором адыгского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований;

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, профессор (Республика Абхазия);

Долгиева Марем Белановна, кандидат исторических наук, доцент ИнГУ, ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского НИИ гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева.

Казиева Альмира Магометовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск);

Магомедханов Магомедхан Магомедович, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии (Республика Дагестан);

Мартазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, профессор, ректор Ингушского Государственного университета;

Султыгова Марифа Магомедовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Танкиева Лидия Хусеновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Цороева Марет Гайсултановна, доктор этнологии, доктор истории религий (Франция).

ЭТНОЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ (ОБЩЕСТВА) ИНГУШЕЙ

P.Z. Sagov

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Чаха Ахриева

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы этнографической структуры ингушей прошлых времен. Приводится перечень территориальных (этнолокальных) групп, обществ, представленных сегодня в составе ингушского этноса, их расселение и названия.

Ключевые слова: Народ, этнос, племена, субэтнические группы, этнолокальные группы, территориальные группы, общества.

ÈTNOLOKAL'NYE GROUP (SOCIETY) INGUSH

R.Z. Sagov

State Budget Establishment The Ingush scientific research institute of the humanitarian sciences named by Chakh Ahriev

Annotation. The article discusses the ethnographic structure of Ingush times past. Is a list of territorial (ètnolokal'nyh) groups, societies, presented today in the composition of the Ingush ethnic group, their resettlement and titles.

Keywords: nation, ethnicity, tribes, sub-ethnic groups, ètnolokal'nye groups, affinity groups, society.

Прежде чем говорить о так называемых этнолокальных группах или обществах ингушей, существовавших в прошлые времена, нужно остановиться на вопросе классификации этнографических (родоплеменных) групп вообще. Существуют разные подходы определения этих групп и поэтому необходимо уяснить, что мы

подразумеваем под этнолокальными группами вообще, и в ингушском случае в частности.

В научной литературе нет единой терминологической классификации для определения внутренних подразделений определенного народа // этноса, внутренних этнических общностей, этнографических или

просто территориальных групп. В прошлом – это племена или родоплеменные группы, которые имели некоторое различие по языку, быту и т.д., в одном случае, и территориальные общности, возникшие по географическому признаку, в другом случае.

«В энциклопедиях, словарях, а также монографиях и статьях исследователей приводятся термины: «этнографические», «субэтнические», «этнические», «историко-этнографические», «локальные», «этнолокальные», «большие и малые субэтнические», «этносоциальные», «территориальные», «этноконфессиональные», «особые группы и подгруппы» и др.» [3, 118].

Нередко все эти термины исследователями используются в своих работах для обозначения одних и тех же групп и общностей. Но также мы наблюдаем, что одни и те же общности (группы) обозначаются в различных источниках по-разному. «В результате конкретные группы народов по выделяемым авторами признакам попадают не в одну, а в две или в три категории. К примеру, русские казаки и севернорусские поморы трактуются то как «этнографические группы» (к тому же и «территориальные»), то как «субэтнические» (и тоже «территориальные»)» [3, 118]. Часть русско-сибирского населения – потомки казаков и аборигенов («якутяне, русско-устыинцы, марковцы»), наряду с другими выделяют в отдельные группы. «Здесь же признается, что по ряду признаков эти группы могут быть определены как «этнические» или как «территориальные» общности» [3, 119].

В разных случаях, относительно каждого конкретного народа (этнуса) внутриэтнические группы, как бы их не называли, могут и, скорее всего, будут обозначаться по-разному. Например, одно дело севернорусские поморы в составе русского народа, которые сложились в результате смешения славянских (русских) племен с финно-угорскими племенами, следовательно, как отмечают этнографы, со своей специфической, хоть может быть, и не значительно, культурой (бытом и хозяйственной формой) и языком, т.е. диалектом, говором. Другое дело, когда речь идет, например, об ингушских обществах (территориальных группах). Здесь нет, и не было, насколько это известно в истории, различий в языковом и этнокультурном отношении. Вместе с тем, в письменных источниках зафиксированы

территориальные (локальные) группы ингушей, образовавшиеся по месту их расселения, т.е. существовали исторические названия различных обществ, но они не различались ни по языку, ни по культуре, ни по происхождению.

Вероятнее всего, в далеком прошлом у ингушей все же были племенные образования, из которых сложился единый ингушский этнос. Грузинский автор XI в. Л. Мровели свидетельствует о наличии у ингушей того периода племенных образований, хотя мы и не можем говорить, что у них были различия в языковом и этнокультурном отношении. Так, «кавказианы – один из собирательных в работе Л. Мровели этнонимов. Под ним автор подразумевает автохтонное население Северного Кавказа на территории от р. Терек до «западных пределов» Главного Кавказского хребта. В источниках генеалогической таблицы Мровели «кавказианам соответствуют сарматы, савроматы (в древнеармянском к ним добавлен этноним аланы)» [21, 43]. «Кавказианы, дзурдзуки» древнегрузинские названия ингушей, которые включают в себя ряд этнолокальных групп: дзурдзуки, кисты, глигви, овсы, двалы и т.д.

Арабский путешественник X в. говорит, что Дзурдзукетия состоит из двенадцати укрепленных замков [22]. Здесь, вероятно, речь идет о крупных союзах племен – областей Ингушетии до монгольского периода, что, в свою очередь, перекликается с этногенетическими преданиями ингушей о двенадцати родах, племенах, о двенадцати районах (шийтта тейпа, шийтта шахьар – инг.) [23].

В этнографии, согласно теории этноса Ю.В. Бромлея, рассматриваются два типа – «этнографические группы» (крупные подразделения, не имеющие общего самосознания, однако обладающие этнографической спецификой) и «субэтносы» (более мелкие группы с самосознанием и самоназванием)» [2, 27]. Участники этнографической секции «Мавродинских чтений 2008» в Санкт-Петербурге «предложили считать признаками «этнолокальных групп»: 1) субэтничность, выраженную в собственном самосознании и самоназвании (главным образом, с притяжением к географическому объекту); 2) осознание границ своей локальной территории; 3) наличие собственного говора; 4) наличие

черт этнолокальной специфики в традиционной культуре» [3, 120].

В ингушском случае, хоть и с определенной долей условности, можно сказать, что два первых признака имеют место. Но здесь наряду с наличием «собственного самосознания и самоназвания (главным образом с притяжением к географическому объекту)», у ингушских групп было и даже преобладало общенациональное самосознание и самоназвание. Поэтому, когда речь идет об ингушских группах, исходя из выше приведенных определений, наиболее подходящим термином, будет «этнолокальная группа», потому что в большинстве случаев субэтнической группой называют население, компактно расселявшееся и имеющее особенности в языке, в культуре, по происхождению.

Субэтнические группы имеют особенности, различающие население внутри единого этноса в бытовом, языковом и ином отношении. Например, наличие говора или в быту преобладают какие-то формы ведения хозяйства, отличные друг от друга. У ингушских обществ не было ни языковых, ни культурно-бытовых различий, и, несмотря на наличие отдельных названий, они осознавали себя частями единого целого, единого народа.

Вероятно, ингуши с давних пор говорят на одном языке. А незначительные различия в языке, которые возможно были в прошлом, возникшие вследствие разобщенности, особенно в горных условиях, можно лишь с большой натяжкой назвать говором.

Таким образом, согласно вышеприведенным признакам ингушские территориальные группы или общества являются этнолокальными группами. Следовательно, ингушские этнолокальные группы или общества имели самоназвания, производные от топонимов, по месту их расселения. Похоже, что представители этих групп, символически, в далеком прошлом осознавали свою принадлежность к той или иной группе, т.е. наличие наряду с общенациональным названием собственного самоназвания, так сказать, для «внутреннего пользования». Это ранее отмечали и другие исследователи, которые, вместе с тем, писали, что «наличие таких локальных групп и их отдельных наименований в Ингушетии не означало отсутствия общего названия народа» [19, 31].

«Наличие общего самоназвания не исключает бытования даже у народов со сложившейся буржуазной нацией отдельных наименований локальных этнографических групп, в отдельных случаях имеющих племенное происхождение» [19, 30].

На территории Ингушетии «беспеременно протекал процесс перемещения различных групп ингушей, распада старых этнических общностей и возникновения новых» [19, 32]. Следовательно, речь идет только о том, что в позднем средневековье произошло формирование новых этнолокальных групп или обществ ингушей, и произошло это вследствие массового притока ингушского населения с других мест. Процесс формирования, т.е. «распада старых этнических общностей и возникновения новых», как отмечают исследователи, завершился к XV веку [19, 32]».

Этнонимы ингуши (русс. название) и *ГалгIай* (самоназвание ингушей) вобрала в себя основные древнеингушские группы, которые и составили этнографическую структуру ингушского народа. Насколько известно, все ингушские общества говорили на одном языке, имели общую культуру, территорию и национальное самосознание.

Нет никаких сведений, говорящих, как выше отмечалось, что ингуши различались по языку, по культуре и т.п. Более того, топонимические, антропологические, археологические и иные данные, позволяют утверждать, что ингуши единый во всех отношениях этнос.

«Современное название «ингуши» сравнительно недавнего происхождения. Впервые оно появилось в русских источниках не ранее второй половины XVIII в. Оно происходит от названия селения «Онгушт» или «Ангушт» – одного из первых ингушских селений, основанного на «плоскости» (так в местных кругах называют равнины, заключенные между Терским и Сунженским кряжами и последующими лесистыми хребтами Кавказа). В более ранних русских источниках этноним «ингуши» отсутствует. По свидетельству Кушевой Е.И. и Крупнова Е.И., в них упоминается название «калканы» [11, 24; 12, 64]. Наряду с этим здесь приводятся этнонимы «ероханские люди», «акозы» // «ококи», то есть аккинцы, население «горских земель».

Кроме того, если говорить о национальном самоназвании ингушей – *ГалгIай*, то есть

сведения, позволяющие утверждать, что оно покрывало все ингушские общества или этнолокальные группы ингушского народа, начиная, по крайней мере, с XV века.

Надо думать, что все ингушские этнолокальные группы или территориальные общества идентифицировали себя с этнонимом «ГалгАй», который и стал известным в ранних русских письменных источниках как «калкай» // «калканы» о чем и пишут ученые. Так например, известный кавказовед Е.Н. Кушева изучая вопросы взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией XV – XVII вв. пришла к заключению, что «термин Калки, вероятно», покрывал все «родоплеменные группы Горной Ингушетии» [12, 66;].

Из утверждений известных ученых Генко, Кушевой, Волковой следует, что «... этноним «галгай» в форме «калкай» встречался в русских источниках конца XVI – XVII вв. (Генко 1930, С. 701; Кушева 1963, С. 65-66; Волкова 1973, С. 154-157), а в форме «глигви» – в грузинских источниках XVII в.» [20, 206]. Об использовании данного этнонима в качестве общего национального самоназвания всеми ингушскими обществами говорит тот факт, что в русских источниках население всех ингушских ущелий, «землиц» известны под этим наименованием. Калканы встречаются как в Дарьяльском ущелье, так и во всех ущельях к востоку от него, вплоть до верховьев Аргуна.

Более того, тушины, хевсуры и пшавы (пховели) в некоторых ранних источниках упоминаются под названием кара-калкан – черные щиты, – пишет кавказовед А.М. Диррь [9, 4]. Интересно в этой связи мнение чеченского исследователя А. Сулейманова, который считает, что «ГалгАй» означает «щитоносцы» от ингушского «Гал» – «щит» [17].

И. Гюльденштедт зафиксировал, что «галгаи» называют себя еще и «по-русски ингушевцами. Он отметил также, что ингуши себя «сами называют попеременно кисты, галга, ингуши и одно название вместо другого употребляют» [7, 16]. Семен Броневский – автор начала XIX века, говоря об ингушах, пишет: «Кисты и наипаче Ингуши, образованием своего лица и языком отличны от прочих Кавказских народов, но происхождение и история сего племени покрыты неизвестностью. Г. Паллас предполагал, что кисты могут быть потомки Аланов...» [1, 153].

Нашествие кочевых орд из Центральной Азии изменили этнополитическую карту Северного Кавказа. В плоскостной зоне центральной части Предкавказья, где ранее расселялись ингушские племена, появляются пришельцы, которые долгое время, сменяя друг друга, кочевали здесь. В основном это были различные тюркские племена. В результате этого, коренные жители, ингуши, вынуждены были отступить с равнины и уйти в горы. Более многочисленные племена, значительно превосходящие силой, заставили их покинуть некоторую часть своей исконной территории.

Но ингуши продолжали занимать всю горную и, вероятно, предгорную зону Центрального Кавказа местами. Плоскость Предкавказья и степная зона были почти полностью опустошены. Сначала здесь появились ногайцы, остатки Золотой Орды, а потом появились кабардинцы.

После ослабления влияния пришельцев, ингуши, вновь и вновь вытесняя чужеземцев, возвращались на свои равнинные земли. Они время от времени то покидали, то возвращались на плоскость, восстанавливая свои бывшие поселения. В горах всегда оставались их сородичи, которые в случае опасности принимали беженцев и оказывали им помощь.

Известно, что до относительно недавнего периода (предположительно до рубежа XVII – XVIII вв.) ингуши занимали Куртатинское, Даргавское, Кобанское, Санибавское и другие ущелья к западу от реки Терек. Кроме того, к востоку от современного ареала расселения ингуши занимали Галанчоожское (ущелье реки Гихи) и Аргунское ущелья.

По сведениям письменных источников, в середине XVI в. кабардинцы совместно с ногайцами предпринимают походы против горцев Центрального Кавказа, которые были поддержаны русским царем Иваном Грозным. Эти события привели к очередной миграции части ингушского населения с запада на восток.

Факты передвижения ингушей с запада на восток отразились в осетинских преданиях, записанных Семеновым в 1927 году в Кобанском ущелье. «Эти предания рассказывают, что ингуши в прошлом обитали в Куртатинском и Даргавском ущельях, из которых под натиском осетин и кабардинцев ушли в Санибавское ущелье, а позднее через район Чми – на правый берег Терека» [4, 143]. Переселенцы по пути

передвижения частично оседали в ущельях современной горной Ингушетии. Основная же часть продвинулась из районов Центрального Кавказа дальше вплоть до Северо-Восточного Кавказа. Здесь они образовали ауховское общество – аккинцы (так называемые чеченцы-аккинцы) на территории современного Дагестана.

«Одними из первых здесь (возле русской крепости Терки, по нижнему течению реки Терек. – С.Р.) поселились ингуши из племени Акко,¹ известные в русских документах под названием «окочен», основавших так называемую «Окоченскую слободу» [18, 69].

«По преданиям и письменным источникам где-то в начале XVI века аккинцы двинулись из общества Аьккхий через горную Палгайче (Ингушетию), затем аккинцы (а вместе с ними и часть галгаевцев) «поселились на том месте, где теперь обитает Назрановское общество, здесь оказалось мало места для всех переселенцев, поэтому большая часть их пошла через малую Чечню на восток», – отмечает Н. Семенов (Сказки, легенды чеченцев. Собраны и переведены Н. Семеновым. Владикавказ, 1882. С. 7)» [7, 5]. «Как известно, их группа (т.е. аккинцы. – С.Р.), сформировавшаяся в верховьях р. Гехи, переселилась в район своего нынешнего обитания лишь во второй половине XVI века, когда и возникло Ауховское общество» [10, 50-51].

Другим преданием, записанным среди аккинцев бывшего Ауховского района, также подтверждается информация о передвижении ингушей с запада на восток. «Некогда аккинцы, вышедшие из Шами, – рассказывается в предании, – обосновались под горой Казбек, но, враждуя с бацави-гурджи, они вынуждены были уйти в местность Гула, которая, по мнению рассказчика, аккинца из села Бони-Юрт, находилась в верховьях р. Арамхи или р. Ассы. Нападения калмыков заставили аккинцев уйти из Гула..., правый приток р. Ассы – Гулойхи и поселиться на р. Мичик, но когда вновь на них напали калмыки (гГалмакхой), то аккинцы переселились в горы к р. Ямансу, где и образовали свои поселения» [10, 50-51].

Миграция захватила кроме акинцев и представителей некоторых других локальных групп ингушей. Например, Цечой, Мерджой, Гулой, Боной, Фьяппий (Ваппий) и т.д. Относительно ингушского происхождения аккинцев – ауховцев свидетельствует и Н. Генко, который со слов аккинцев Хасавюртовского района, записал, что аккинцы // ауховцы переселенцы с горной Ингушетии [6].

Очевидно, что в то же время произошло переселение и бацбийцев, т.е. в XVI веке. Согласно имеющейся информации, они являются переселенцами с Джайраховского ущелья, которые проникли на южные склоны Главного Кавказского хребта и поселились на территории Тушетии.

В письменных источниках приводятся названия отдельных обществ ингушей [11, 36-37; 15, 289-290]. В Военно-Статистическом обозрении Ставропольской губернии, в середине XIX в. читаем: «К племени Ингушей, занимающих плоскость и котловины кавказских гор с правой стороны Терека до верхних частей Аргуна и до течения Фартанги, принадлежат: 1) Назрановцы с Комбулейским обществом, 2) Джераховцы, 3) Карабулаки, 4) Цоринцы, 5) Ближние Кистинцы с небольшим обществом Малхинцев вновь покорившимся, 6) Галгай, 7) Галашевцы, 8) Дальние Кисты» [5, 134-143].

В 1862 г. в составе Западного отдела Терской области были учреждены три округа, в т.ч. Ингушский. В Ингушский округ вошли общества: Назрановское, Карабулакское, Галгаевское, Кистинское, Акинское и Цоринское. Ингушский округ был создан из двух участков бывшего Владикавказского округа: Назрановско-Карабулакского и Горского. Чечня была разделена на три округа Среднего отдела: 1. Чеченский, состоящий из Большой и Малой Чечни, Надтеречных и Качкалыковских чеченцев; 2. Аргунский, состоящий из обществ: Шатоевского, Чантинского, Чаберлоевского и Шароевского; 3. Ичкеринский – из Ичкерии [16].

Здесь необходимо отметить, что Чеченский и Ичкеринский округа образованы из собственно чеченцев – нохчий (включая сюда как собственно родоплеменную группу «нохчий» (нохчмохкхой) и «теркхой»), а Аргунский из обществ шатой, чантий, чебарлой и шоарой (шатоевцы, чантинцы, чеберлоевцы и шароевцы), о

¹ Известные в настоящее время как чеченцы-аккинцы, проживающие в Хасав-Юртовском и Новолакском районах Республики Дагестан. В прошлом они упоминаются как кисты и ингуши, а в самых ранних русских письменных источниках – как ококи.

происхождении которых неоднократно отмечалось исследователями, говоря, «...что некоторые горные диалекты чеченского ареала (например, чеберлоевский) фактически стоят ближе к ингушскому языку, чем к чеченскому».

Ингуши в XVIII-XIX вв. локализовались в бассейнах рек Терека, Арамхи, Ассы, Фартанги и Аргуна, т.е. с запада на восток в зоне верховьев рек от Терека до Аргуна. По сведениям А.П. Берже, ингушские локальные группы, которые он дает с описанием по месту их расселения, делятся следующим образом:

1. Назрановцы. Они занимают низменные места, орошаемые рр. Камбилеевкой, Верхнею Сунжею и Назранкою и по течению этих рек до впадения реки Яндырки в Сунжу и по Тарской долине.

2. Карабулаки (от слова «кара» – черный и «булак» – источник). Они занимают равнину, орошаемую реками Ассою, Сунжею и Фортангой, по течению которых и расположены их аулы.

3. Галашевцы. Они живут по рр. Ассе и Сунже. В 1851 году общество их заключало в себе 30 аулов, 395 дворов, 1139 д.м.п., 992 д.ж. п., а всего 2131 д. Южная часть этого общества мало населена и покрыта сплошным лесом; северная, напротив того, безлесна и более населена.

4. Джерахи. Они живут по обоим берегам Макалдона.¹

5. Кисты. Они разделяются на ближних и дальних. Первые живут по ущельям Макалдона, притока Терека, а последние по ущельям р. Аргуна. Общество дальних кистин заключало в себе в 1851 году 21 аул, 402 двора, 1620 д.м.п., 1647 д.ж.п., а всего 3267 д. Общество ближних кистин сосредоточивается в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими хребтами, идущими от главного Кавказского и замыкающимися в долине Терека, у Джераховского укрепления, близ которого впадает в Терек и р. Кистинка. В этом обществе в прошедшем году считалось 32 аула; они большею частью расположены по берегам р. Кистинки. Самый большой аул состоит из 20 дворов.

6. Галгаевцы. Они обитают у верховьев р. Ассы и по берегам р. Тоба – чоч, между кистинами, цоринцами и аккинцами.

7. Цоринцы. Обитают в верховьях восточного истока р. Ассы. В 1851 году общество это

¹ Правильное название данной реки Армхи (инг. Арамхи или изначально Амархи – Озерная река). Эту реку осетинское население называло ингушской рекой, т.е. Макалдон.

состояло из двух больших и трех малых аулов, заключавших в себе 87 дворов, 390 д.м.п., 384 д.ж.п., а всего – 774 д.

8. Ако или акинцы. Аулы их расположены по обоим берегам рр. Ассы и Сунжи, между галгаевцами и дальними кистами, в верховьях р. Гехи, притока Сунжи [11, 36-37].

Наряду с Назрановским и Карабулакским обществами из числа вновь образовавшихся на территории равнинной Ингушетии, С. Броневский упоминает и Зауровцев, расселявшихся по берегам верхнего течения реки Терек, в районе расположения современного города Владикавказ [1, 160].

В настоящее время, в составе ингушского народа представлены следующие рода (тейпы), которые в прошлом относились к тому или иному обществу:

1. **Джейрахой:** джераховцы образуют два рода (тейпов): Дышний (собственно Джейрахой) и Узамхой. Они расселяются вначале Джайраховского ущелье по обоим берегам реки Армхи, а также частично занимают правый берег Терека. Сохранились развалины башни Льяновых на левом берегу Терека в районе Реданта.

За джейраховцами следуют кистины. Джейраховцы и кистины находятся в районе Маьт – Лоама (Столовая гора).

2. **Кистий (Ближние кисты или фьппий):** образуют целый ряд родов (тейпов): Болганой, Боной, Гаракхой, Гелатхой, Досхой, Ложхой, Кхурахой, Кьошкхой, Маьстой, Мецхалой, Морчхой, Оарцхой, Ольгитхой, Пгоаршхой, Хьарпхой, Хьамашкхой, Убанхой, Фалханой, Шуанхой и т.д.

За кистами следуют чулахойцы.

3. **Чулахой:** Бештой, Гухой, Тпумахой, Бисархой, Пгоалашпхой, Каштымхой, Лоалахой, Салгхой, Коадзой, Ноакастхой, Хоаной, Хьулахой, Цуолой и т.д. Чулахой располагаются в Чулихоевском ущелье, которое находится в пределах между Галгаевским и Кистинским обществами, в районе Цей – Лоама.

4. **Палгай:** Барканхой, Барханой, Балккхой, Биргхой, Бархой, Пгоапархой, Пулой, Дошакьлой, Дахллой, Йовлой, Кьоастой, Кхоартой, Кхоакхой, Колой, Кокурхой, Кьамарзой, Леймой, Маларой, Мохлой, Моашхой, Оздой, ПхьугИой, Сейнарой, Тпаргамхой, Хамхой, Циздой, Нилххой, Эгий и др. Они располагаются в основном в Ассинском ущелье, а также в боковых ущельях. Далее, за

ними следуют Цхьурой.

5. Цхьурой: Бобхой, Гурой, ГалгЦхьурой, Келой, Цхьурой и др. К востоку от них находятся аьккхий и оарстхой, в районе Буолой – Лоам.

6. Оарстхой: Белхарой, Галай (Иамкхой), Гоандалой, Мерджой, Хайхарой (последние относятся к Мерджой), Кхуртой, Мужахой, Щечой.

По некоторым сведениям Мерджой и Галай в прошлом представляли собой самостоятельные этнолокальные группы, которых позднее стали относить к оарстхой. Мерджой включали в себя ряд тейпов: собственно Мерджой, Хайхарой, Тоаркхой, Куршлой. Последние переселились в Чечню (Нохчи-мохк), а Пулой, перешли с северного склона на южный склон горы Цхьурой-Лоам.

Галай изначально расселялись в Галанчоожском ущелье (инг. Галай – ЧЮдж // Галан-Чож). Потом они переселились в район Галашек, где они и были зафиксированы как Галашевское общество ингушей. К ним по этногенетическим преданиям относились тейпы: Иамкхой, Хьачарой, Кий и некоторые другие.

Кроме того, здесь необходимо отметить, что отождествление карабулаков и орстхой не совсем верно, потому что орстхой имеет этнолокальное начало, а карабулаки чисто географическое понятие, куда входили не только орстхойцы, но и представители других локальных групп. Например, по архивным данным известно, что среди карабулаков значится как орстхойские фамилии, так и других обществ, так же как среди назрановцев, орстхойские и т.д.

7. Аьккхий: Кий, Оарзамхой, Никархой, Тлерой, Ялхарой и др.

Часть аьккхий, как уже отмечалось, переселилась на восток. Поэтому принято считать, что аккинцы делились на лоам-аьккхий (горные аккинцы) и ара-аьккхий (равнинные аккинцы). Причем первые населяли восточную часть территории горной Ингушетии, вошедшая в 1866 г. в состав Чечни, в результате отделения аккинцев и мержойцев от ингушей. Вторые находятся в западном Дагестане в бывшем Ауховском районе (ныне Хасавюртовский и Новолакский районы Республики Дагестан). Эти аккинцы известны у ингушей под названием Повхой (ауховцы).

Ювхой (ауховцы): Пхьарчхой, Ваппий, Жевой, ЗЮгой, Ноккхой, Боной, Щечой, Пулой, Мерджой и ЦЮнтрой (последний тейп чеченского

происхождения). Ваппий и Боной, видимо, кистинского (фяппинского) происхождения, которые переселились с аккинцами во время их миграции с запада на восток через Джейраховское ущелье. Наименования Ваппий говорит само за себя, что это фяппий. А род (тейп) Боной, вероятно, происходит с аула (башенного комплекса) Бейни, расположенного в Джейраховском ущелье у подножия горы Маьт – Лоам.

8. Маьлхий (Дальние кисты): Блястий, Бенастхой, ДжАрхой, Камалхой, Кьяьганхой, Кхаратхой, Меший, Саканхой, Таьртхой и др. Они расположены в верховьях Аргуна и в боковых ущельях по течению рек: Меше-хи, Блясти и т.д., на юго-востоке от Цхьурой и южнее от Аьккхий.

Среди ингушей нет родов (тейпов) инородного происхождения, но есть некоторые малочисленные фамилии, которые ведут свое происхождение с соседних регионов.

Козыревы (две семьи), проживающие в горном ауле Эзми, Таутиевы (в пределах десяти семей), проживающие в сел. Альтиево, Гамурзиево (Крепость), Гайтовы, Алмазовы (от Гайтовых), проживающие в селениях Экажево и Кантышево, предположительно осетинского происхождения. Возможно, что наоборот осетинские Гайтовы ингушского происхождения.

Куркиевы (несколько семей) из Сагопши – чеченского происхождения из тейпа Гардалой; Алиевы, проживающие в селении Альтиево, тоже считаются выходцами из Чечни. Происхождение Наурузовых (несколько семей) из Насыр-Корта тоже связывают с чеченцами; Базалиевы (одна семья), проживающая в Али-Юрте, чеченского происхождения (они себя называют Теркхой). В Галашках проживает одна семья Тайсумовых, которые ведут свое происхождение от Эйни Тайсама, предположительно родственника Кишиева Кунта-Хьажи.

Товбулатовы, проживающие в г. Назрань, и Рамазановы из сел. Экажево (по одной семье) и Алиевы из Алхасте, также проживающие в с. ГИажар-Юрт (ст. Нестеровское), – дагестанского (аварского) происхождения. Агасиевы, которые сегодня считаются Хьулахой, предположительно лакского происхождения.

Маршани из Ачалуков, точно известно, абхазского происхождения. Они из-за кровной мести переселились из Верхней Абхазии в Ингушетию, предположительно на рубеже XIX

– XX веков. Их несколько семей. Они считаются побратимами Бековых из Ачалуков, которые их приняли и побратались с ними («хетта вошал» инг.). Сохранились у ингушей и такие выражения, как – «уст бийна хетта вошал», «цхъан кадача тух – сыскал диа нах», «кхуврч бийкъа вежарий» и т.д.

Эти выражения свидетельствуют о существовании в прошлом традиций установлении братства между различными родами и фамилиями и т.п.

Мустабиевы из Яндаре, по преданиям, происходят от казаков. Есть еще ингуши, представленные, как часть фамилии, и проживающие в селении Насыр-Корт, казачьего происхождения. Они относятся к роду Леймой.

Есть примеры наличия фамилий ингушского происхождения в среде соседних народов. Так, А.А. Максидов отмечает, что «известны и многие факты переселения значительного количества малокабардинских семей в ингушские аулы по причинам бегства от своих кровников и т.д. Так, живущие в Ингушетии Бажагуровы, Видиговы, Гумаковы являются выходцами из Малой Кабарды [14, 89]. В то же время в Кабарде известны фамилии ингушского происхождения: Улиговы, Шамурзаевы, Батыровы, Ингушевы, Гетегежевы, Назрановы, Ханиевы, Кушговы, Кумыковы, Богатыревы [8]. В Кабарде в прошлом были известны Джанботовы, которые были братьями Илиевых и до недавнего времени поддерживали родственные связи. Они из Ингушетии переселились в Кабарду из-за кровной мести. После выселения ингушей в 1944 году связь прервалась.

В Балкарии известна фамилия Акиевых, которые ведут свое происхождение с Ингушетии. Но не ясно, от каких именно Акиевых они происходят. Среди ингушей существуют Акиевы, которые относятся к трем различным родам (тейпам): Йовлой, Барханой, Оарзамхой.

Существует много созвучных или одинаковых фамилий у ингушей, осетин, балкарцев и карачаевцев. Например, Тамбиевы, Мизиевы, Гардановы и многие другие. Созвучные фамилии существуют, преимущественно, у ингушей с осетинами, менее с чеченцами. У чеченцев больше одинаковых фамилий с дагестанцами,

хотя аналогичные фамилии существуют и с ингушами и с осетинами. Есть одна интересная особенность созвучных чечено-дагестанских фамилий. Например, если чеченцы пишут Хаджиевы, то дагестанцы Гаджиевы и т.п.

Современные осетинские фамилии: Андиевы, Плиевы, Дударовы, Льяновы, Цуровы и другие фамилии – ингушского происхождения. Некоторые из них признают (по крайней мере, до последнего времени признавали) свое ингушское происхождение. Например, Цуровы из Гизеля, Андиевы, Дударовы и т.д. Возможно, что и другие осетинские фамилии тоже ингушского происхождения. Например, Гоглойты (инг. ГюгЛлой), Абаевы из Кобани, Цаголовы, Гайтовы, Кастуевы и др.

«Подтверждением тому, что в горах Осетии в прошлом проживали вайнахи, является наличие в Осетии некоторых мест с нахскими названиями и общих фамилий у ингушей и осетин. Немало у осетин и таких фамилий, у которых вайнахские названия. Это такие фамилии, как Гагиевы, Козыревы, Плиевы, Нагоевы, Льяновы, Бадаевы, Гудиевы, Зокаевы, Шакаевы, Джанаевы и другие...» [13, 232].

В заключении можно прийти к выводу, что в результате миграционных процессов XIII-XV вв., вызванных неоднократными нашествиями пришельцев на Центральный Кавказ, произошло переселение ингушского населения, что привело к образованию не нового этноса, а новых этнолокальных групп ингушей. Очевидно, в этих миграционных процессах не участвовал инородный элемент, который в той или иной степени мог бы оказать влияние на этнокультурный облик ингушей.

Исследователями, которые изучали ингушей в прошлом, да и в настоящее время, не были описаны отличные друг от друга формы ведения хозяйства у разных обществ ингушей, ими не было зафиксировано языковое, культурное, антропологическое различие. Отсутствие диалектов, говоров на всей территории Ингушетии позволяет нам утверждать об ингушском народе как о древнем этническом образовании, который формировался из родственных племен Центрального Кавказа.

Библиография

1. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
2. Бузин В.С. Этнография русских. Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

3. Власова И.В. О терминах для обозначения этнических категорий // Этнографическое обозрение № 4, июль-август, 2009.
 4. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
 5. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. Сб., 1851. (Извлечение).
 6. См. Генко Н.А. Из культурного прошлого ингушей. Ленинград, 1930.
 7. Дахкильгов И.А. Шли в подданство не из принуждения. Магас, 2004.
 8. Долгиева М.Б., Сагов Р.З. Кабардино-ингушские отношения // Вопросы истории Ингушетии. (Сборник). Вып. 7, Магас, 2008.
 9. Диррь А.М. Современные названия кавказских племен // ИОМПК.
 10. Ибрагимов М.-Р.А. К истории формирования чеченоязычного населения Дагестана // Проблемы происхождения нахских народов. // Под ред. Мужухоева М.Б. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991.
 11. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
 12. Кушева Е.И. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – XVII вв. М., 1963.
 13. Льянов М. Башни эти – гордость моя. – Возвращение к истокам. История Ингушетии в лицах и фактах. Саратов, 2000.
 14. Мальсагов А.У. Ингуши. Краткая история и их участие в войнах России. Пятигорск, 2005.
 15. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Социально – экономический очерк. // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. Составитель Танкиев А.Х.
 16. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326. С. 497-502. (извлечение); ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 6. Л. 36а-36а об.
 17. Сулейманов А. Топонимия Чечено-Ингушетии. 1978.
 18. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
 19. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике. // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
 20. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политики на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.
 21. Мровели Л. Жизнь Картлийских царей. Москва, 1979.
 22. См. Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод П.К. Жузе. Баку, 1927.
 23. Полевой материал автора (информаторы: Сагов А.Х. 1923 г.р., Газгириев У-Г.Х. 1931 г.р. и др.).
-